Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!

Пионерская ПРАВДА

Орган Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. ЛЕНИНА

Год издания 43-й
№ 71 (5134)
★ Вторник, 5 сентября 1967 г. ★
Цена 1 коп.

Как школа подросла

Раньше не было у нас актового зала, и этим летом началась стройка. Строили не только рабочие, но и сами ребята. Никто не ленился, не прятался в холодок. Когда разобрали старую крышу, ребята встали по лестнице цепочкой и от одного к другому передали прямо на третий этаж 30 тысяч кирпичей. Цемент, раствор, доски — всё прошло по живому конвейеру. Были и такие ребята, которым строители доверили готовить раствор, набивать дранку, делать электропроводку.

Узнав про Обращение слёта, наши ребята прямо на стройке провели митинг и решили: кончим стройку к 1 сентября.

Сейчас актовый зал готов.

А. КОРНИЕНКО,
директор школы.

Иркутская область,
п. Мегет.

12 джигитов

Встречает меня вчера Арстан-ага с соседней фермы и спрашивает, как это я всё успел: и сено скосил, и на ферму привёз. А я ему хитро так отвечаю:

— А ты про двенадцать джигитов слышал?..

— Как же, знаю: за ночь они могли город построить. Только зачем ты эту сказку вспомнил?

— А это не сказка. Ты про сено спрашивал, так мне его двенадцать джигитов убрали. Не из сказки джигиты, а из нашей школы. Главный джигит у них Елшимбек Арымбеков... Если бы не эти ребята, оставили бы мы на лугах 80 тонн сена. Так что видишь какие джигиты! Они и сейчас развозят сено к дальним кошарам, чтобы зимой не таскать его по глубокому снегу.

Выслушал меня внимательно Арстан-ага и только головой покачал, пожалел, видно, что не было у него двенадцати джигитов.

А. ШАРДАРБЕКОВ,
заведующий фермой.

Узбекская ССР,
Чимкентская область,
совхоз имени Джамбула.

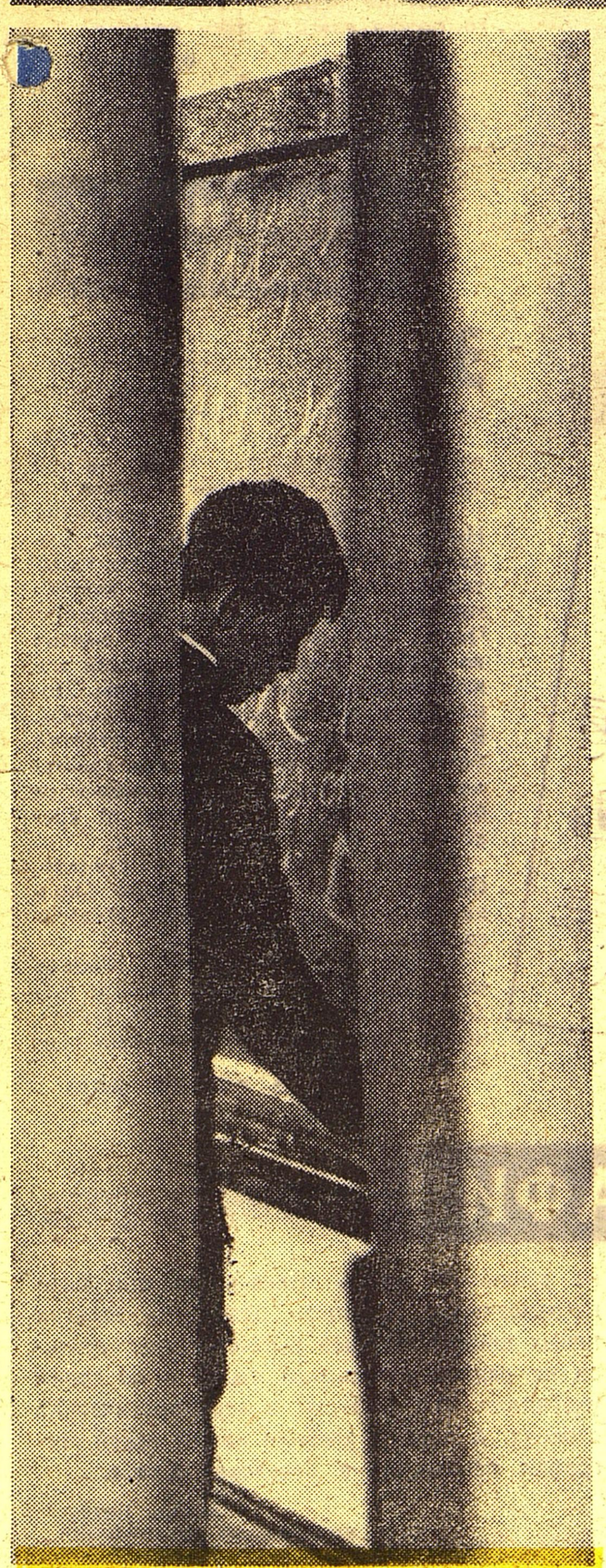


Фото Г. КОПОСОВА и Г. КРАСНОВА.

Вперёд Архимеды!

Однажды я получил такое письмо: «Везде пишут, что учица нада. А я в прошлом году бросил школу. Теперь времени хватает. Каждый день играю на трубе».

Не спешите, слова «учица нада» — не газетная опечатка.

Кое-как одолев безграмотные строчки, я подумал: прыткий какой, посидеть бы тебе денёк в нашей школьной канцелярии!

Вы скажете: причём тут канцелярия? А вот причём. В этой небольшой комнате иной раз случаются удивительные разговоры. Их бы этому грамотею и послушать.

Так было и в тот день, когда пришло письмо. В канцелярии я встретил мужчину лет под двадцать пять. Мы поздоровались.

— Вы меня, наверное, забыли? — И вдруг, как-то невесело улыбнувшись, добавил: — Нужна справка, что учился в седьмом классе. Поступаю в школу рабочей молодёжи.

Я присмотрелся внимательнее: ба, да ведь это Женя!

Был у нас когда-то такой непутёвый ученик — всем отметкам предпочитал двойку. Учителя не раз предлагали ему взяться за ум. Куда там! У него всегда был один ответ:

— Проживу и так.

Как видите, не прожил. Совсем уже взрослым уселся вновь за парту. Ничего не поделаешь, время наше такое — без знаний никак нельзя. Кстати, я не сомневаюсь, что очень скоро придёт и автор письма. И тоже попросит справку.

Раньше люди говорили: «Терпение и труд всё перетрут». И крестьянин, не зная отдыха, терпеливо шагал за плугом. И молот в кузнице ухал без устали с утра до вечера... Простенькие орудия труда особых знаний не требовали.

Теперь всё иначе. Ну-ка, попробуйте на минуту вообразить: в кабине современного «Антея» или за пультом Братской ГЭС — малограмотный человек. Семь потов сошло бы с него, а проку с воробьиный нос! Чудо-самолёт и не шелохнётся, гигантская электростанция не зажжёт и крохотной лампочки.

Стране нужны умелые руки и умные головы. Неуч в нашей стране обкрадывает не только себя — он недодаёт всему народу. Толку от него мало.

Но хорошо учиться трудно. Даже знаменитый Архимед удивился бы, как много знает теперь, например, семиклассник по математике, физике, биологии...

Трудное не есть невозможное. Разве просто было нашей Родине пройти полувековой путь от залпа «Авроры» до космических «залпов» по далёким планетам?

Школьные успехи начинаются с малого: уроки, которые зададут уже сегодня, не откладывай на завтра. И в классе, слушая учителя, не зевай, думай, запоминай. Ты на старте трудного похода за знаниями.

Добрых успехов тебе!

М. ЦЕНЦИПЕР,
директор школы № 437.

Москва.

Роща приехала...

Когда в деревне Чепели построили клуб и когда приехали городские артисты, пригласительные билеты на концерт первыми получили здешние ребята. И сидели они на почётных местах. Артисты со сцены аплодировали им. И всё потому, что пионеры помогали строителям побыстрей построить клуб.

Посмотришь на клуб — хорош. И всё-таки чего-то не хватает. Так считали сами ребята, пока не переселили к клубу с лесных опушек берёзовые деревца.

Пятьдесят рослых берёзок — это весёлая рощица. И в роще этой клубу самое место.

О пионерах из школы-восьмилетки в сельсовете говорили: такие, мол, помогут к празднику прихорошить село. А чего ж? Пусть сельсовет скажет, что надо ещё сделать.

В. МОРОЗОВ.
(Наш корреспондент).

Брестская область, д. Чепели.

Пришли рабочие завода «Вымпел» к пионерам школы № 172 и говорят: «Вот для вас вымпел. Пусть его получит тот отряд, который лучше всех поработает в честь юбилея Октября. Мы вместе с вами будем выходить на воскресники, проводить сборы, побываем на уроках. Так что тоже будем знать, кому вручить вымпел».

Фото В. ГУСЕВА.

Москва.

ЗВОНОК позвал тебя в класс. Со своими друзьями ты сел за парту. На уроке географии ты узнаешь о пустынях и океанах, о пингвинах и тиграх. Узнаешь ты и о том, что не все ребята на земле могут учиться, это право отстаивают для них отцы с оружием в руках. Сегодня перед тобой несколько страниц этой борьбы.

Земля в огне и борьба

ТРУБИТ РОЖОК КАЧО

У ОГРОМНОГО КАМНЯ, на котором белой краской выведено: «Вон, американские войска!», сидят мальчик и девочка лет пятишести. Они весело смеются, беспечно играют. В руках у девочки котелок с водой. Ребята как будто на минутку присели отдохнуть, возвращаясь с ручья, куда ходили по воду.

— Салюд, чикос! — говорю я им. Ребята прекращают игру, становятся серьёзными и солидно, громко отвечают:

— Салюд, камарада! (Здравствуй, товарищ!)

— Наши патрульные, очень хорошие патрульные, — показывает на мальчика с девочкой сопровождающий меня высокий крепкий крестьянин в полувоенной форме — командир отряда самообороны Виоты. — Они первыми встречают незнакомцев, первыми оповещают о приближении врага. Это настоящие бойцы, — ещё раз убеждённо сказал он. Я уловил в его голосе и нежность, и теплоту, и гордость.

Вот уже неделю я гость удивительной земли, о которой мало кто знает в мире. Чтобы попасть сюда, мне пришлось целый день карабкаться по тропинкам, делающим головокружительные виражи над пропастью. Называется эта земля Виота. Почти сорок лет над ней гордо развевается знамя коммунистической партии Колумбии. Это кусок свободной территории Америки.

Сорок лет назад крестьяне Виоты взяли власть в свои руки. Они распределили помещичьи земли, выгнали полицейских, создали отряды самообороны и объявили свой обширный горный район, раскинувшийся в ста километрах к юго-востоку от колумбийской столицы Боготы, свободной землёй. Они продолжали выращивать замечательный кофе, исправно выплачивали налоги государственной казне. Но предупредили власти, что больше не пустят сюда помещиков, не пустят ни одного полицейского или солдата.

Правительство бросило на мятежных крестьян отборные войска. Но жители Виоты превратили свои горы в неприступную крепость. Они отбили все атаки карателей.

Секретарь здешней организации коммунистической партии могучий весёлый колумбиец Виктор Мерчан рассказал мне, что жизнью Виоты руководит партийный комитет. Он занимается всем: и обороной, и производством кофе, и жилищными делами. Я узнал, что в отряды самообороны, сформированные из добровольцев, вступают и ребята 14—15 лет. А дети поменьше становятся патрульными, как те, которых я уже видел. Это они предупреждают всех об опасности. Тогда раздаётся сигнал: трубит рожок качо, и все пятнадцать тысяч жителей Виоты становятся бойцами...

Мы идём по центру Виоты, заходим в дома крестьян. Почти в каждом доме на видном месте портреты В. И. Ленина. Старые, вырезанные из журналов, но аккуратно заделанные в рамки.

Меня знакомят с молодым парнем, тонким быстрым мулатом.

— Ленин, — представляет его товарищ Мерчан. Мне кажется, что я ослышался.

— Ленин, Ленин, — повторяет секретарь парткома, — вы ещё немало встретите Горьких и Литвиновых, а уж детишек, которых зовут Гагаринымн и Титовыми, не перечесть.

Вечером перед Домом партии пионеры и октябрята Виоты устроили сбор. Мальчики и девочки в красных галстуках и красных пилотках декламировали стихи, пели песни и с особым подъёмом исполняли свой «Партизанский марш» на мотив нашей старой песни «По долинам и по взгорьям».

Это были настоящие бойцы, маленькие защитники свободной Виоты. Они начеку. Вместе со своими отцами и старшими братьями они готовы по первому зову сигнального рожка взять в руки оружие.

В. ИВАНОВ.

НА СНИМКЕ вверху: бойцы из отряда самообороны.

ПЕСНЯ СРАЖАЕТСЯ

ВЫ УЗНАЕТЕ это лицо, эти улыбающиеся глаза? Конечно, это он, известный всему миру композитор, руководитель отважных ламбракидов Микис Теодоракис.

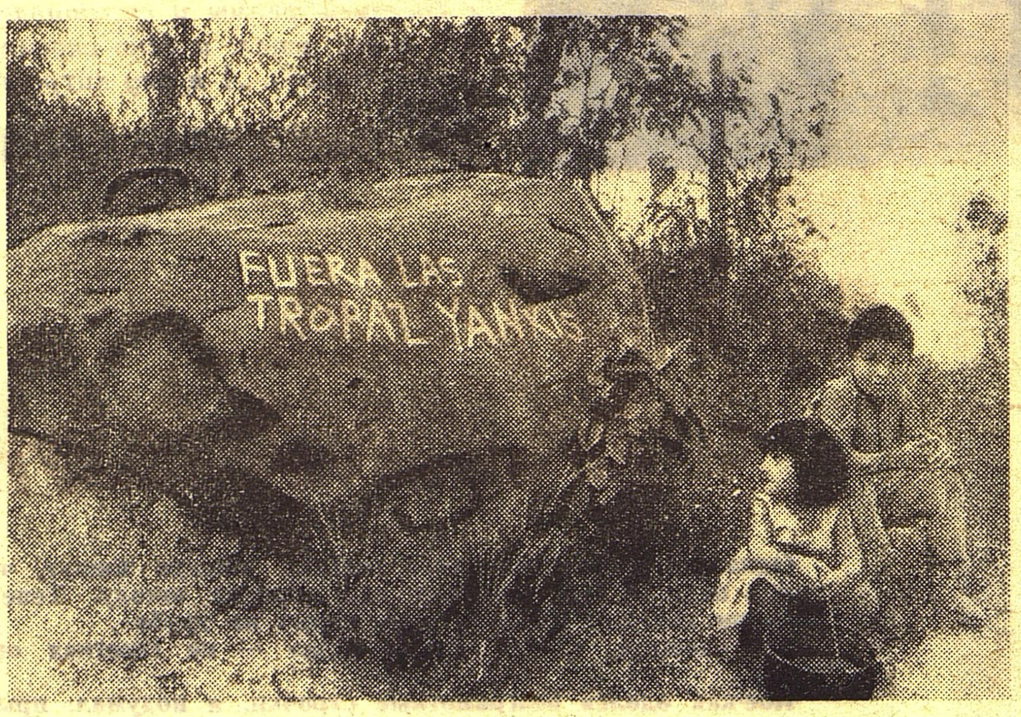
Кажется, совсем недавно в Московском Дворце пионеров на Ленинских горах Микис встречался с советскими пионерами. Встреча была короткой, но ребята успели полюбить этого мужественного человека. Рядом с ним они себя чувствовали сильнее, добрее, лучше.

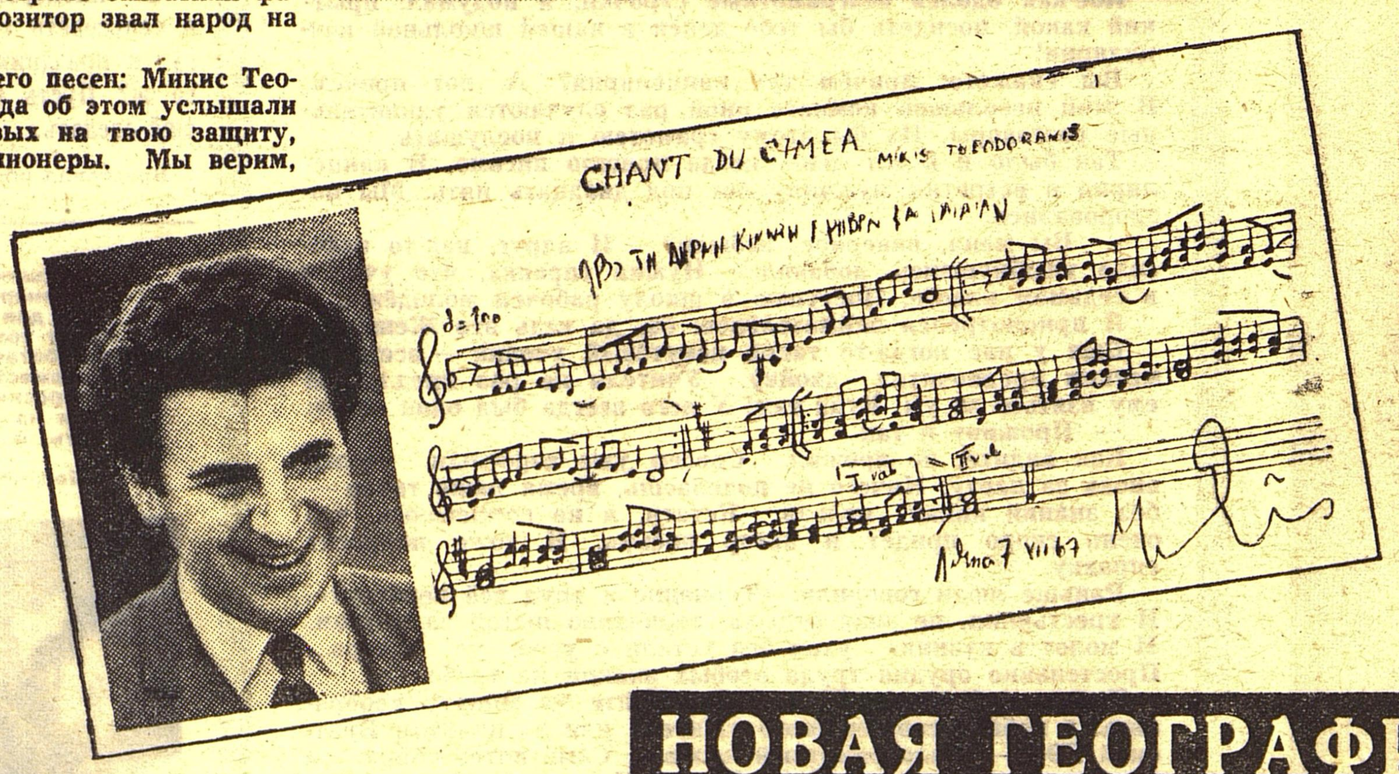
Микис надписывал ребятам автографы, лазал «на чердак» смотреть небо в телескопы и говорил, что там, на Луне, он видит наш советский вымпел. Здóрово всем было в тот вечер!

Потом Микис собрался уезжать. Ребята знали, что на земле Эллады неспокойно, и такие её сыны, как Микис, должны быть с народом, когда приходит испытание. Микис вернулся на родину, и снова греков звали его песни: «Поднимайтесь за новую Грецию! Греция будет свободной!» Даже когда власть в стране захватили фашисты, мужественный композитор звал народ на борьбу.

Фашисты очень боялись его песен: Микис Теодоракис был арестован. Когда об этом услышали во всём мире, среди первых на твою защиту, Микис, встали советские пионеры. Мы верим, что в любых испытаниях тебя не оставит мужество, что из любых застенков до нас дойдёт твой голос, как дошла эта песня, написанная в подполье. У песни, ставшей гимном СИМЕА — Международного комитета детских и юношеских организаций, — ещё нет слов. Но они обязательно будут. Их напишут советские поэты, их могут написать и читатели нашей газеты.

Свободу Микису Теодоракису!





В ДЖУНГЛЯХ МОЗАМБИКА

ЗА СТОЛОМ в штаб-квартире Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) в Дар-эс-Саламе сидел молодой человек.

— Сегодня пришло интересное письмо, — сказал он, отвечая на моё приветствие. — Вот послушайте.

...Это произошло в провинции Ньяса. Отряд португальцев был послан в джунгли, чтобы провести карательную экспедицию против патриотов. Но где находятся партизаны? Чтобы это узнать, двадцать солдат во главе с офицером обыскивали все встречавшиеся на пути хижины. Дома были пусты: жители прятались. В одном селении карателей встретил боец оборонительного отряда крестьянин Закеу Нхазенго. У салазаровцев были винтовки и автоматы, у крестьянина только одна граната.

Выбрав момент, он бросил гранату. Офицер и два солдата упали. Пока каратели приходили в себя, Нхазенго скрылся.

— Так будет и впредь, — говорит мой собеседник. — Всё больше людей вступают в отряды ФРЕЛИМО, чтобы бороться за освобождение своей родины.

Э. РЯБЦЕВ. (АПН).

Танзания, Дар-эс-Салам.

НОВАЯ ГЕОГРАФИЯ

ПЯТЬСОТ ЛЕТ назад в том месте, где река Жеба впадает в Атлантический океан, высадились первые европейцы. Португальцы.

Тогда впервые наш народ увидел, что кроме охоты на зверей есть охота на людей.

Я помню, как былины об охоте за чёрными рабами вызывали во мне, мальчишке, панический ужас. Дед успокаивал меня. Но он сам всю жизнь боялся колонизаторов.

Мой народ взялся за оружие, чтобы самому стать хозяином своей судьбы. Мы бьёмся четыре года, и уже половина так называемой «португальской» Гвинеи очищена от колонизаторов. Ещё недавно в моей стране девяносто девять человек из ста были неграмотными. А теперь построены десятки новых школ и каждый ребёнок может учиться на родном креольском языке и по своим учебникам. Их печатают в социалистических странах. А первый учебник нашей новой географии печатается в Советском Союзе.

Аружу ЖОЗЕ,
член молодёжной организации Африканской партии независимости «португальской» Гвинеи и островов Зелёного Мыса.

НА СНИМКЕ: засада в джунглях «португальской» Гвинеи.

«ЮНЫЙ ОХОТНИК».

Фото Коли КАЗАКОВА. Якутская АССР, село Малыкай.

«ОЙ, БОЛЬНО!»

Фото Жени СТЕЦКО. г. Краснодар.

СТУЧИТЕСЬ В ЭТИ ДВЕРИ!

ПИСЬМО было тревожное. В нём говорилось, что девочка не учится и когда врач разрешит ей учиться, неизвестно. Она всегда одна, а дома у неё неладно. Что же с ней будет?

Как помочь девочке в беде? Я отправилась в Лабинск.

Стройная, темноволосая, с ленточками в коротких косичках, Тая Паршинцева не производила впечатления больной девочки. Но тревога в больших тёмных глазах выдавала: на душе у неё неспокойно. И ещё Тая казалась какой-то тихой. Потом я всё поняла: слишком много пришлось ей пережить...

С тех пор как Тая себя помнит, её приучали молиться. Когда другие дети играли, она подолгу простаивала на коленях перед иконой. Если пропускала службу, отец сердился.

В новой школе— в том городе, куда они переехали, — Тая никого не знала. Она даже не успела никому рассказать, что в станице вступила в пионеры, была председателем совета отряда. И здесь ей хотелось ходить на сборы, в спортивную школу, в детскую читальню. Ей не разрешали. «Смирись», — убеждали её дома. «Смирись», — слышалось ей в голосе матери, который звучал в церковном хоре. Дома ей было плохо. И в школе тоже. Она знала: ребята на неё косо смотрят, потому что она ходит в церковь. Что же ей делать? Тая часто плакала по ночам, а днём у неё болела голова.

Врачу Тая ничего не стала рассказывать. Говорила больше мать. Она настояла, чтобы дали освобождение от занятий на год.

Тая вдруг осталась совсем одна. Каждый день, когда все ребята с портфелями спешили в школу, она какая-то приниженная, стараясь не попадаться на глаза знакомым, брела с хозяйственной сумкой в магазин. Она понимала, что так дальше жить нельзя.

...В поликлинике, куда мы пришли вместе, Таю осматривали терапевты, невропатолог. Пришли к заключению: девочка может ходить в школу. В тот яркий апрельский день буйным цветом покрылись фруктовые деревья в Лабинске. Тае казалось, что они радуются вместе с ней. Она шла по главной улице, обеими руками прижимая к себе школьную папку:

— Понимаете, это такая для меня гордость — нести папку!

Класс ушёл далеко вперёд, когда девочка только начала осваивать первые премудрости алгебры. Если бы только алгебра! Догонять товарищей нужно было за целый год и по геометрии, и по физике, и по русскому. Тая вначале растерялась. Но потом она присмотрелась: вокруг были люди, всегда готовые прийти на помощь. Лида Сергеева в первый же день предложила вместе делать уроки. А когда ушла Лида, какие-то незнакомые девочки вызвали её из дома просто так, поиграть. Учителя терпеливо объясняли непонятное. В доме у неё побывал очень уважаемый в городе человек, старый коммунист Фёдор Степанович Морозов. Он долго разговаривал с отцом, с матерью. Из другой комнаты до девочки доносились слова: «Церковь — для пожилых, которые росли в старое время... У Таи другая дорога...»

И всё же, уезжая тогда, в апреле, из Лабинска, я беспокоилась: что будет с Таей, справится ли она?

А потом пошли письма.

«...У меня сейчас всё хорошо. Должна до конца года сдать английский, историю, ботанику, зоологию, географию.

Самый счастливый день был 1 Мая. Я шагала в колонне физкультурников. Я стала счастливой, учусь неплохо, и со здоровьем нормально. Мама говорит, что это бог помог. Но это не бог, а друзья, настоящие люди. Я вновь поверила в людей, в счастье и во многое-многое...»

«...Я уже семиклассница! Кончила с одной тройкой по ботанике. А 4 июля со спортивной школой еду в Анапу на месяц. Едет нас 20 человек. Все говорят, что я здорово изменилась, стала весёлой. У меня даже дома всё хорошо стало. Купили мне транзистор, в церковь не посылают».

«...Я в лагере! Об этом я мечтала многие годы. У нас в палатке такие замечательные девчонки. Отзывчивые, добрые, весёлые. Сегодня дежурила, и это доставило мне удовольствие. Это, наверное, потому, что я среди друзей и никто не говорит: то грешно, то нельзя».

«...Мы со Светой уже готовимся к школе. Повторяем всё, шьём платья. Решили учиться изо всех сил. Так хочется в школу!»

Тае теперь хорошо. Но может быть, где-то рядом живут ваши сверстники, которым так же трудно, как было трудно этой девочке? Не оставляйте их одних. Стучитесь в эти двери!

Г. КАЗАРНОВСКАЯ.
(Наш специальный корреспондент).

Краснодарский край, г. Лабинск.

ЛЕВ УСПЕНСКИЙ

Опять о языке

Да, опять! О нём можно говорить на тысячу ладов, и никогда не расскажешь всего, чем он удивителен.

В этом году я задумал беседовать с вами о языке главным образом с точки зрения этимологии. А что такое этимология!

Можно отлично понимать смысл слова и представления не иметь, почему именно у него такой смысл или откуда оно взялось. А можно (правда, не всегда) докопаться и до ответа на эти вопросы. Наука, которая до них докапывается, называется этимологией.

Вот простой пример. В алгебре неизвестное мы обычно обозначаем как «икс». Я сказал «икс» — неизвестная величина, которую надо найти. А почему именно эту величину мы называем так странно!

Что такое «ИКС»

Алгебру изобрели в древние времена арабы. Когда им было нужно указать на число, неизвестно чему равное, они называли его арабским словом «шэй», слово это у них обозначало «нечто», «что-то». Для краткости на письме они заменяли его одной буквой «ш» — была такая в арабской азбуке. От арабов-мавров с алгеброй познакомились их соседи и соперники испанцы. Они тоже стали называть неизвестную величину «ш». Но произошла занятная путаница: у самих испанцев также была буква, которую они именовали «ш», на бумаге же они её изображали вот так: «х»... Пока что всё было ещё в порядке, просто у испанцев неизвестное «ш» стало писаться как «х», называться «ш».

Но они передали науку алгебру своим северным соседям французам. Французы тоже стали на месте неизвестного писать «х». Однако у них эта буква называлась не «ш», а «икс». И вот «х» стали называть не «ш», не «нечто» по-арабски, а просто «х»— «икс».

А от них это обозначение перешло к нам.

Теперь вы не только понимаете, что такое «икс», вы знаете, почему мы называем алгебраическое неизвестное этим словом. А узнали вы это благодаря работам учёных-этимологов.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ СЛОВАРИЮ

ФЕЛЬЕТОНЫ ПИШЕМ САМИ

ОБОШЁЛСЯ...

— Мне сказали, что ты пишешь? — И редактор лагерной стенгазеты посмотрел на меня сверху вниз. — Как там? «Наша Таня громко плачет, уронила в речку мячик...»

— Я не пишу стихов.

— Ничего. Проза, брат, тоже великая вещь! Конечно, не все Пушкины и не все Гоголи. Но всё же...

— Да, — согласился я.

— Так вот. Мы, то есть ты и я, должны выпустить тридцать номеров газеты. К вечеру должен быть выпущен первый номер.

— Понял...

— Значит, садись и пиши. Думай. Сочиняй.

— А у нас сегодня поход.

— Обойдёшься. И не то ещё вытерпишь! Помни, что ты — член редколлегии.

Я обошёлся без походов, без футбола, даже без речки, но зато тридцать номеров газеты были выпущены в срок. Выпуская тридцатый номер, я чуть не опоздал на автобус, который увозил ребят из лагеря.

Я дома. Теперь уж отдохну!

Марат БАСКИН.

Белорусская ССР, г. Могилёв.

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ПОВЕСТЬ

УТРО

А Феликс Эдмундович рассказал, как он ездил на последнее свидание к Ильичу в шалаш и какую замечательную тройную уху приготовил на ужин Владимир Ильич.

— Неужели Владимир Ильич умеет варить уху? — удивилась Александра Михайловна. — Впрочем, он волгарь, а на Волге все умеют варить уху.

— Что это за кулинарный разговор? — неожиданно раздался голос в дверях.

Все повернули головы.

На пороге стоял Владимир Ильич, осторожно отдирая кепку от парика.

— Здравствуйте, товарищи, — обвёл он взглядом собравшихся. — Осторожно, осторожно, вы испортите мне причёску, — просил он, переходя из объятий в объятия.

Началось заседание, определившее ход и судьбу революции.

Заседание продолжалось более десяти часов...

Было уже далеко за полночь, когда Рахья с Владимиром Ильичём вышли с конспиративной квартиры.

Одного взгляда на Ильича было достаточно, чтобы понять: сопротивление сломлено, линия на вооружённое восстание одержала верх.

Сегодня штаб партии, Центральный Комитет, покончил с колебаниями, отверг оппортунистов, принял ленинский план действий. Владимир Ильич шагает по ночному Питеру под проливным дождём, и не тщеславие человека, победившего в споре, а простая человеческая радость переполняет его сердце, и плечи развёрнуты в свободной походке, они не согнулись под тяжестью ответственности за судьбы человечества.

— Вы всё слышали? — вдруг спросил Владимир Ильич Рахью.

— Да, почти, — виновато ответил Эйно Абрамович. — Вы все довольно громко говорили, а я не мог оставить свою позицию.

— За решение ЦК проголосовало десять человек, против — двое: Каменев и Зиновьев. Но они должны подчиниться большинству.

— Это хорошее большинство, — заметил Рахья и подумал, что, наверное, не это надо было сказать, о победе надо было сказать.

Но Владимир Ильич взял его под руку, заглянул в глаза и доверительно сказал:

— Это девяносто девять и девять десятых процента, если спросить всю партию.

— Да, пожалуй, простая арифметика здесь не годится, — согласился Рахья.

— Нет, не годится.

Продрогший Рахья еле удерживал мучивший его кашель.

— А мы с вами в такую погоду не скоро доберёмся до Сердобольской, — сказал Владимир Ильич. — Вы ведь живёте где-то здесь поблизости?

— Да, всего минут десять-пятнадцать отсюда, — ответил Эйно Абрамович.

— Может быть, я могу переночевать у вас?

— Если вы считаете удобным, — обрадовался Рахья и, уже подходя к дому, догадался, что из-за него, Рахьи, идёт Ильич к нему ночевать. Для того, чтобы проводить Владимира Ильича на Сердобольскую и вернуться к себе домой, Рахье нужно было бы сделать не меньше восемнадцати вёрст. Об этом и подумал Владимир Ильич.

Рис. Л. СМЕХОВА.

(Продолжение следует)

Продолжение. Начало см. «Пионерскую правду» №№ 38—40, 42—45, 47, 48, 50—59, 61, 62, 64—69.

М. КОРШУНОВ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

В прошлом номере (70) вы прочитали о том, как Петя Скворцов, ученик 6-го класса «А», по воле волшебницы оказался в министерстве в роли своего отца Петра Петровича.

Сегодня мы печатаем второй отрывок из повести М. Коршунова «Школьная вселенная». Та же волшебница отправила Петра Петровича в школу. Все его принимают за ученика 6-го «А». О том, что приключилось со Скворцовым-старшим, вы и прочитаете сегодня.

ШКОЛЬНАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Потрёпанный портфель, ручка перевязана проволокой — Пётр Петрович шагает по улице. Надо повернуть вот сюда, за эту бочку с квасом. Здесь должна быть школа. Кстати, надо купить сигареты.

Он подошёл к табачному киоску. Достал кошелёк, протянул продавщице деньги:

— Пачку сигарет «Ароматные».

Продавщица укоризненно взглянула и ответила:

— Школьникам сигареты не продаём.

Пётр Петрович растерялся. Действительно все уверены, что он школьник? От киоска Пётр Петрович повернул в переулок. Зацепил портфелем женщину.

— Петя Скворцов? Ты что здесь расхаживаешь? До занятий остались минуты!

Пётр Петрович смущённо улыбнулся. Он понятия не имел, кто с ним разговаривает. Очевидно, какой-то школьный работник.

— Я в школу... Да, да, — забормотал Пётр Петрович и почувствовал, что от страха взмокла спина. Неужели он теперь ученик 6-го «А», и всё! «Ашник», как говорит Петя.

Невероятно! Несправедливо! За что?..

Он помнит сказку, как человека превратили в карлика, в гусеницу или блоху. А с ним случилось и того хуже — превратили в школьника, да ещё в собственного сына!

— Скворцов! — Женщина погнала Петра Петровича перед собой в школу. — Куда повернул? Разве там школа! Задумал что-то, с утра болтаешься!

— Я... — Пётр Петрович не знал, что ответить.

— Ты должен быть в школе. И немедленно! Дай-ка дневник!

Пётр Петрович начал рыться в портфеле. Наконец достал дневник, старый и потрёпанный, ничуть не лучше портфеля, только что не перевязанный проволокой.

Женщина сделала запись в дневнике, сказала:

— Утром ученик должен быть в школе, а не у бочки с квасом! И мне ещё кажется, что от тебя пахнет табаком...

Пётр Петрович на всякий случай перестал дышать.

— Спрячь дневник!

Пётр Петрович спрятал дневник.

— Сейчас некогда, потом разберёмся! — Женщина слегка подтолкнула Петра Петровича сумкой.

Он пошёл впереди, теряя последнюю волю и последнюю самостоятельность.

В школе женщина обратилась к другой женщине, которая стояла в дверях с красной повязкой на рукаве:

— Пропустите его, Мария Емельяновна.

— Опоздал, Скворцов. Некрасиво! — сказала Мария Емельяновна. — Ну, что ты застыл?

Пётр Петрович повернулся и пошёл по коридору, не зная, куда он идёт.

— Скворцов, да что с тобой? — крикнула та первая женщина, которая привела его. — Труд у вас сегодня на первом уроке!

Пётр Петрович в слесарной мастерской делает из железа хоккеиста. Он бы сейчас начертил двутавровую балку, крановый рельс, гайки-барашки, рым-болт — только бы не заниматься хоккеистом. Не может он с ним справиться! Давно не учился в школе, не работал в слесарной мастерской.

Хорошо, что помог Виталик.

— Ты чего? — спросил Виталик Петра Петровича. Он был уверен, что перед ним его друг Петька.

— Да как-то у меня не очень с хоккеистом, — ответил Пётр Петрович, суетясь вокруг сверлильного станка.

— Разучился? — Виталик взял у него заготовку и начал ловко высверливать хоккеиста.

— Иди к плите и выбей зубилом.

Пётр Петрович пошёл к металлической плите, попробовал выбить зубилом хоккеиста. Ничего, выбил! Руки оцарапал, но всё-таки выбил. Отвык от зубила. И от молотка отвык. Как-то так, незаметно. Он всё больше карандашом последнее время трудился. У себя в министерстве, в Главпроекте. А ребята лихо размахивают молотками, точат напильниками, рубят зубилами.

У Петра Петровича не только царапины появились, но и синяк на пальце. Пётр Петрович помалкивает, боится. Скорее бы звонок с урока труда.

Глебка к нему подходит. Показывает своего хоккеиста и спрашивает:

— На кого похож?

Пётр Петрович пожал плечами.

— На Рагулина. Неужели не видишь? Рагулин всегда без шлема.

— Да, — сказал Пётр Петрович.

— А то нет?

— Да, — ещё раз сказал Пётр Петрович.

— А то нет? — не успокаивался Глебка.

Пётр Петрович был согласен: Рагулин так Рагулин, в шлеме, без шлема.

Много ли сегодня уроков? У Петьки дневник не заполнен, так что не узнаешь. А в коридоре расписания не нашёл. Висит, очевидно, в учительской. Не пойдёт же он в учительскую. Случится ещё что-нибудь, в дневник опять запишут. Нахватает он Петьке замечаний. Что ни говори, отвык от школы.

Уроки уроками, но впереди ещё КВН — главное событие дня. Если он проиграет как капитан, Петька его на порог дома не пустит. Конечно, теперь всё наоборот: Петька в министерстве, а он в школе, да ещё капитан команды КВН 6-го «А».

А тут Глебка, Виталик и Витя Фадеев пристают:

— Ну как, отгадал?

Пётр Петрович понятия не имеет, что надо было отгадывать.

На всякий случай сказал:

— Отгадал.

— Уверен?

— Это как рым-болт.

— Чего? — изумился Глебка.

— Рым-болт, — повторил Пётр Петрович. Что ещё он мог придумать такое, чтобы звучало убедительно, чтобы они оставили его в покое, а когда наступит время соревноваться, он, может быть, удерёт из школы. Удастся ему удрать?

...Во время перемены ребята бегали, кричали, спорили. Коридоры гудели от их голосов, беготни. Пётр Петрович уселся отдохнуть. Ныла поясница, болели руки. В особенности синяк на пальце.

Вошёл дежурный по этажу старшеклассник. Спросил:

— Почему в классе?

— Отдыхаю.

— Давай выходи. Не положено.

— Я хочу посидеть, отдохнуть.

— На следующем уроке посидишь, отдохнёшь. А сейчас гуляй в коридоре. — И старшеклассник взял Петра Петровича за воротник пиджака, вытолкнул его в коридор, запер на ключ дверь, а Петру Петровичу легонько поддал ногой:

— Гуляй! Проветривайся!

Пётр Петрович не сопротивлялся, начал гулять, проветриваться.

Его окружили Виталик, Глебка, Витя Фадеев и ещё кто-то, с кем он делал железных хоккеистов.

— Мы тебя ищем. Французский отменили. Лидия Максимовна заболела.

— Ну и что?

— Как что? КВН будет после пятого урока!

— После пятого, — машинально повторил Пётр Петрович.

— А то нет!

Пётр Петрович сам бы с удовольствием заболел вместо Лидии Максимовны. Чем-нибудь инфекционным, чтобы положили в больницу и никого не пускали.

Был урок литературы. Петра Петровича вызвали отвечать.

— Читай, — сказал учитель, удобно располагаясь за столом, совсем как Пётр Петрович у себя в Главпроекте. Даже пуговичку пиджака расстегнул. — Ну, читай, я жду.

Пётр Петрович недоумевал: в шестом классе только учатся читать?

— Скворцов, не подготовил отрывок?

Юля (она сидела рядом) сунула раскрытую хрестоматию.

— «Всегда красные его веки моргали чаще обычного...» — начал Пётр Петрович. Читал вполне нормально. Но учитель остановил.

— Где цезуры? Где паузы? — И он показал, как читает Пётр Петрович: — «Всегдакрасныееговекиморгаличащеобычного...» И это после восьмого занятия по комментированному чтению? — при этом сердито дёрнул шеей и заморгал сам чаще обычного.

Пётр Петрович начал сначала. Он уже устал от школы. А тут ещё после пятого урока КВН...

Рис. А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА.

КНИГА О ДРУЖБЕ

Лежит у нас в редакции книжка, вышедшая недавно в издательстве «Молодая гвардия». «Экспедиция дружбы» называется она. Я вспоминаю Шереметьевский аэродром, трап самолёта, по которому сбегали чехословацкие ребята прямо в шумное кольцо московских друзей. Так встретились они в тот день в Москве — участники экспедиции «Дружба», посвящённой борьбе советского и чехословацкого народов с фашизмом.

О том, как шли советские ребята по чешской и словацкой земле, а чехословацкие ребята побывали на полях сражений своих отцов в Советском Союзе, и рассказали они в этой книге.

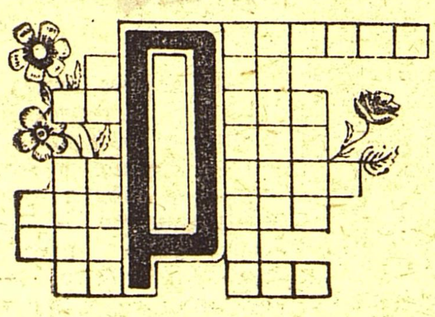
Н. БРОМЛЕЙ.

• НА ДОСУГЕ • НА ДОСУГЕ •

КАКИЕ ЦВЕТЫ?

Впишите в клетки недостающие буквы так, чтобы можно было прочитать названия цветов.

Составила Люба АХТЯМОВА.
Курганская область, с. П-Каледино.



Этого петушка нужно нарисовать, не отрывая карандаша от бумаги и не перекрещивая нигде линий.

Составили Амарян СИРАН и Эльвира ГАРНЫШЕВА.
Армянская ССР, г. Ленинакан.

А—09196. АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, А-30, Сущёвская, 21. Телефон для справок: Д 1-15-00, доб. 2-38. Индекс 50101
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Зак. 2004. Редактор Н. М. ЧЕРНОВА